

Фундаментальное исследование

Монография «Развитие научных и образовательных центров по новой и новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг.» оставляет впечатление фундаментального труда, в котором убедительно решается крупная научная проблема. Автором исследования – кандидатом исторических наук, заведующим кафедрой таможенного дела Белорусского государственного университета Виктором Острогой осуществлена системная реконструкция развития научных и образовательных центров по новой и новейшей истории в период существования БССР.

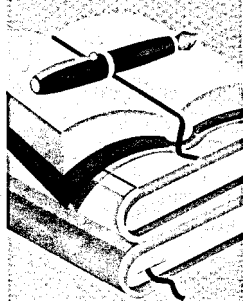
Предмет исследования сложен и масштабен. Стартовая точка его – выявление неосвоенных исследовательских полей. Автор скрупулезно изучил практически все доступные работы своих предшественников. Он обнаружил отсутствие «достаточного количества исследований, в том числе системных и обобщающих, по проблеме изучения новой и новейшей истории зарубежных стран в БССР в 1919–1991 гг.» [с. 13].

В рецензируемой монографии впервые систематизируются и обобщаются семь проблемных блоков. Первый – это современное осмысление партийно-государственной политики в области изучения истории Нового и Новейшего времени. Есть все основания признать вполне удовлетворительным осуществленный Виктором Острогой «анализ влияния общественно-политической ситуации в Белорусской ССР на развитие образовательной и исследовательской деятельности в сфере новой и новейшей истории... в рамках следующих исторических периодов развития советской исторической науки: 1919–1929 гг.; 1930–1937 гг.; 1937–1941 гг.; 1941–1944 гг.; 1944–1956 гг.; 1956 – первая половина 1960-х гг.; середина 1960-х – первая половина 1980-х гг.; 1985 – 1991 гг.» [с. 17]. Указанный вариант периодизации является оригинальным. Автор показывает, что она одинаково подходит как к истории Беларуси, так и истории зарубежных стран.

В первый из перечисленных периодов, совпадающий со «становлением в БССР научных и научно-образовательных центров в области всеобщей истории»; с одной стороны, прослеживалась «относительно свободная от партийно-государственного контроля научная деятельность», а с другой – «постепенное насаждение марксистско-ленинской методологии» [с. 17].

Белорусский ученый выявил следующие особенности второго периода: «Повсеместная ликвидация методологического плюрализма, свертывание активной научно-исследовательской деятельности под влиянием негативных общественно-политических факторов, массовых репрессий в отношении научного и образовательного корпуса» [с. 19]. Он обращает внимание на то, что «первые жертвы среди историков-новистов стали появляться в конце 1936 г.» [с. 24].

Если третий период рассматривать сугубо с точки зрения организационной структуры исследовательского процесса по указанной проблематике, то он будет всецело завязан на становлении кафедры новой истории БГУ. Что же касается общественно-политических детерминант этого процесса, положения его субъектов, то можно отметить, что «репрессии приобретали все более масштабный характер» [с. 24]. Не может не нести дополнительную эмоциональную нагрузку для читателей ознакомление

с конкретикой на предмет репрессий, с рассказами о судьбах невинно пострадавших людей.

«Всего на 1941 г., по подсчетам автора, количество жертв политических репрессий среди исследователей новой и новейшей истории вместе с авторами публицистических статей составляет 80–85 % из полутора сотни человек, особенно исследователей польской тематики» [с. 25].

Четвертый период, по версии В. Острога, совпадает с тем отрезком Второй мировой войны, когда БССР была оккупирована Германией и ее союзниками. Новые реалии предопределили «вынужденное свертывание изучения новой и новейшей истории» [с. 26]. С руководителем структурного подразделения БГУ можно согласиться в том, что «во время войны произошла некоторая либерализация исторических исследований..., повысился интерес к новой и новейшей истории» [с. 26].

Автор считает рубежным между четвертым и пятым периодами 1944 год.

Что касается завершения пятого периода 1956 годом, возражений быть не может. Это – год переломного XX съезда КПСС. Судя по содержанию монографии, этот период интересен двумя моментами: «восстановлением деятельности кафедр всеобщей истории в вузах и продолжением академических научных изысканий в условиях тоталитарного режима (до XX съезда КПСС)» [с. 26].

Всякий раз, когда читаешь страницы, посвященные оттепели, датированной 1956 – началом 1960-х годов, задаешься вопросом, все ли мы знаем о характерных для этого периода «отходе от сталинского тоталитаризма и либеральных реформах Н.С. Хрущева» [с. 28]. В. Острога показывает, что далеко не все, и эти моменты по-разному повлияли на состояние изучения новой и новейшей истории в центре и на местах. «Новые прогрессивные изменения происходили преимущественно в Москве и Ленинграде, в союзных республиках, в том числе в БССР, они осуществлялись гораздо медленнее» [с. 28].

Следует полностью согласиться с исследователем в том, что седьмой период – это время «значительной активизации и расширения исследований в области новой и новейшей истории в условиях постоянного идеологического контроля со стороны КПСС» [с. 29].

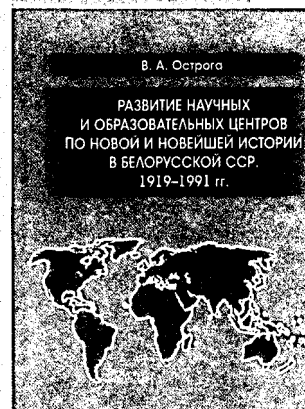
С годами так называемой горбачевской перестройки хронологически совпадает последний, восьмой период. В монографии В. Острога исчерпывающе проследил «развитие науки в условиях реформирования и демократизации общественно-политической жизни, ослабления идеологического контроля со стороны государства, поиска новых методологий и расширения тематического поля исследований» [с. 31].

Второй проблемный блок монографии: определение роли белорусских вузов как центров изучения новой и новейшей истории зарубежных стран (1919–1991 годы).

Автор убедительно доказал, что эта роль была главной, определяющей. Доказательство базируется на обобщении большой по объему фактуры по всему вузовскому пространству в отдельно взятом субъекте советской федерации, известном как БССР. Основания для учета в обобщении были у более чем 20 вузов. Среди них университеты, педагогические институты, учительские институты, ведомственные и специализированные вузы.

Ключевой вывод ученого по анализируемому проблемному блоку таков: «В процессе организационно-кадрового формирования научных центров в сфере новой и новейшей истории специализированные вузовские кафедры стали главенствующими структурами в республике. В результате система изучения этой отрасли исторической науки в послевоенный период оформилась в виде “вузовской” модели» [с. 320].

Третий проблемный блок: всесторонняя оценка деятельности академических центров по изучению истории нового и новейшего времени. Как отмечает В. Острога, «многочисленные академические научно-исследовательские учреж-

Острога, В. А.
Развитие научных
и образовательных
центров по новой
и новейшей истории
в Белорусской ССР.
1919–1991 гг. /
В. А. Острога; под науч.
ред. д-ра ист. наук проф.
В. С. Кошелева. – Минск:
РИВШ, 2016. – 428 с. –
ISBN 978-985-500-946-8.

дения и структуры БССР – системы Института белорусской культуры АН БССР и ЦК КПБ на протяжении изучаемого периода проводили важные и сравнительно широкие по своей тематике исследования. Однако к 1991 г. из их числа остался лишь сектор «История зарубежных связей БССР» Института истории АН БССР, ориентированный, прежде всего, на изучение истории Беларуси» [с. 320]. В монографии убедительно доказано, что «позиции академических центров в БССР в области изучения истории Нового и Новейшего времени оказались слабее, чем они потенциально способны были занять» [с. 145]. Вместе с тем, считает исследователь, их «деятельность... заложила прочное основание для формирования... современной белорусской академической школы историков-международников и, в целом, всеобщников» [с. 177].

Автором весьма обстоятельно прослежено наличие проблематики по новой и новейшей истории в тематическом плане АН БССР.

Четвертый блок: выявление достижений и проблем по комплексу вопросов, относившихся к подготовке кадров высшей квалификации в области новой и новейшей истории зарубежных стран (1919–1991 годов).

Виктор Острога считает, что «на протяжении всего периода существования БССР была сформирована достаточно эффективная система подготовки кадров высшей квалификации в области всеобщей истории» [с. 206]. И путь именно к такой системе был непростым. Факты показывают, что до 1946 года на территории БССР не было защищено ни одной кандидатской диссертации по новой истории, а до 1954 года – по новейшей истории. Отсчет защит докторских диссертаций по новой истории начался в 1963 году, а по новейшей истории – в 1977-м. В плане динамики соответствующих защит можно выделить два периода. Первый заканчивается 1960-ми годами, второй относится к 1970–1991 годам и отмечается значительным ростом, можно сказать, в разы, пополнением корпуса специалистов с учеными степенями по новой и новейшей истории.

Знакомясь с трудом В. Остроги, читатели логично приходят к выводу о том, что все защиты докторских диссертаций в области новой и новейшей истории белорусскими учеными становились значимыми событиями в исторической науке. Новоиспеченные доктора наук сразу же занимали прочные места в республиканской научной элите.

По подсчетам В. Остроги, с 1944 по 1987 год в БССР по новой и новейшей истории было защищено 7 докторских и 55 кандидатских диссертаций. Много это или мало? За тот же период было защищено докторских диссертаций по истории КПСС и КПБ – 29, истории СССР и БССР – 45, всеобщей истории – 10; кандидатских диссертаций по истории КПСС и КПБ – 404, истории СССР и БССР – 299, всеобщей истории – 67 [с. 423].

Автор обращает внимание на то, что «к 1991 году полностью удовлетворить республиканские потребности в кадрах высшей квалификации не удалось» [с. 321].

Пятый проблемный блок: выяснение влияния внутрисююзных и международных научных связей на изучение истории нового и новейшего времени в БССР.

Как показывает ученый, внутрисююзные контакты белорусских историков-всеобщников играли большую роль в развитии исследовательской деятельности и «условия для налаживания межреспубликанских научных связей в области новой и новейшей истории сложились с 1920-х гг. благодаря усилиям ученых БГУ и АН БССР» [с. 229].

В рецензируемом труде исчерпывающе выявлена эффективность «различных форм научного сотрудничества: научных конференций, стажировок, работы в научных центрах союзных республик, обмена литературой, рецензирования, подготовки научных кадров» [с. 229].

В. Остроге удалось всесторонне показать фактор народной дипломатии в развитии анализируемого направления исторической науки в БССР. Он обращает внимание на ритмичность международных контактов белорусских ученых. После прочтения монографии складывается цельное впечатление о векторах народ-

ной дипломатии, в которую были вовлечены белорусские историки-новисты.

Шестой блок: определение проблемного поля исследований в области истории Нового и Новейшего времени. По мнению автора, в это поле входили «история международных отношений, история и состояние идеологической борьбы, история классовой борьбы и рабочего движения, борьба за мир и всеобщее разоружение, история коммунистического движения, история национально-освободительного движения» [с. 322]. Оно было типичным для указанного направления историографии в масштабах всего СССР.

Выявление достижений и проблем на предмет изучения новой и новейшей истории зарубежных стран составляет седьмой блок. В. Острога показывает, что «в БССР изучались... исторические события, происходившие в... 39 странах» [с. 252], что «в числе наиболее изученных стран в БССР оказались Польша, Германия, США, Франция, Болгария и Китай» [с. 323].

Проблемы на предмет изучения новой и новейшей истории зарубежных стран в БССР были таковы: «Практически вне научного анализа осталась история многих других стран, в том числе Австралии, Канады, Японии, региона Северной Европы, многих стран Африки и Латинской Америки... Не имеющая необходимой поддержки со стороны республиканских и местных партийных и управленческих органов белорусская историография новой и новейшей истории демонстрировала тенденции дрейфа в сторону истории Беларуси и даже краеведения, что являлось естественной реакцией на недостаточную востребованность» [с. 322].

Указанные проблемные поля осваивались В. Острогой на мощной методологической базе. Ученый применял как общенаучные, так и специальные исторические методы.

Становой хребет рецензируемой книги – обобщение гигантского фактологического массива. Из использованных 2046 источников абсолютное большинство – впервые вводимые в научный обо-

рот архивные документы и материалы. Впечатляют самостоятельные авторские подсчеты. Они многократные, произведены с учетом инновационных технологий. В основном тексте автор составил 14 таблиц, в приложениях – 4.

Значимость настоящего труда прослеживается по шести позициям.

Во-первых, заведующий кафедрой таможенного дела БГУ четко обозначил важные проблемы, над которыми еще предстоит работать научному сообществу [с. 323].

Во-вторых, на базе данной монографии вполне можно разработать одноименный спецкурс для студентов исторических факультетов высших учебных заведений, обновить содержание части лекций по новой и новейшей истории, читаемых профессорско-преподавательским корпусом для этой категории студентов; организовать подготовку ими докладов, рефератов и сообщений для семинарских занятий.

В-третьих, ряд выводов и оценок, содержащихся в монографии, дает основание для внесения корректив в разделы учебных пособий по новой и новейшей истории.

В-четвертых, «знание прошлых достижений и недостатков этой отрасли исторической науки... позволит сделать ее дальнейшее развитие, в том числе институциональное, более результативным» [с. 5].

В-пятых, не оценим и с общественной, и с нравственной точек зрения тот факт, что «в ходе исследования было восстановлено свыше двухсот имен ученых и преподавателей, работавших в сфере всеобщей истории и способствовавших в меру сил становлению науки Беларуси» [с. 5].

В-шестых, в книге много эксклюзивных материалов регионального характера, которые представляют интерес для историков-краеведов, сотрудников краеведческих музеев.

Михаил СТРЕЛЕЦ,
доктор исторических наук,
профессор Брестского государственного
технического университета